

Она в отсутствие суеты и моды

Юбилей композитора и в прежние, и в нынешние времена чаще всего превращается в повод забыть на время юбилейных торжеств о его музыке. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация легко объяснима. Суета, возникающая вокруг юбилейной даты, постоянные воспроизведения списка наград и благодеяний (или же хронографа травли и репрессий, непременно со счастливым концом) того или иного автора только заслоняют от общества собственно содержание его творчества. В случае с Губайдулиной это сделать исключительно сложно, хотя пожизненное членство в великой "русской тройке" – Шнитке, Денисов, Губайдулина – уже чисто механически обязывает нас к определенным сравнениям, сопоставлениям, выводам... Но, когда слушаешь музыку Губайдулиной, постоянно отмечаешь, что место в этой славной упряжке, триумфально прискакавшей на пик своей мировой популярности в конце 1980-х годов, оказалось закреплено за Губайдулиной совершенно произвольно. Ее сочинения стоят вне предельно политизированного контекста музыкальной жизни рубежа 1970-х и 1980-х годов, примат внутреннего голоса художника над желанием соответствовать общественным чаяниям совершенно очевиден, а аристократизм музыкального высказывания и жеста отчетливо осязуют в сопоставлении с общим по-

С. Губайдулина

луистерическим настроением "левого" лагеря перед самой перестройкой.

В этом проявлялась абсолютная внутренняя свобода Губайдулиной, еще в молодости окончательно порвавшей с различными, цветущими буйным цветом, "авангардистскими" методами сочинения, никогда не вступавшей на путь "новой простоты", сточической осознания ответственности перед судьбой своего искусства и своей собственной судьбой, – и никогда не имевшей явных подражателей и эпигонов. Эта верность себе спасла музыку Губайдулиной от неизбежной девальвации, производимой эпигонами. Когда формой и содержанием му-

зыка становится почти исключительно внутренний опыт, подражать ей оказывается невозможно. Однако в музыке Губайдулиной синтезировано все, что дал совокупный опыт искусства XX века – мистическое, похожее на средневековое, преклонение перед числом, дающим жизнь звуку, острое ощущение тишины, в которой звук рождается и в которую уходит; проникновенное вслушивание в его жизнь, дающее совершенно иной взгляд на то, что эту жизнь составляет. Этим продиктовано и особое отношение композитора к инструменту, игра на котором может быть сопоставима у Губайдулиной с ритуалом, полным глубокого символизма, и к популярной проблеме синтеза мировых культур, обретающих у Губайдулиной органическое единство еще на уровне замысла, и ко многому другому, что делает ее музыку остросовременной даже на фоне много более радикальных, позднейших открытий новой российской музыки. И только этим перечнем свойств ее уникального в своем роде искусства (а разве этого недостаточно, хотя список и неполон!) мы можем выразить нашу глубочайшую благодарность Софии Асгатовне за то, что она наполнила своей сложной музыкой наш сложный мир, отчего жить в нем становится отнюдь не легче и приятней, но яснее и осмысленнее.

Федор СОФРОНОВ